

16+

Тихонова А. В.

Крылья Улефа

Алёна Тихонова

Крылья Улефа

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тихонова А. В.

Крылья Улефа / А. В. Тихонова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда-то давно человечество избежало конца света, создав летающие острова. Только лучшие получили право переселиться туда, и группа людей, посвящённых в секрет, почему этим островам вообще удаётся держаться в воздухе, стали так называемыми Хранителями - абсолютным правящим классом. Увы, вседозволенность им на пользу не пошла, они превратились в тиранов. Но вот вопрос - как повернуть революцию, если без Хранителей острова погибнут?

Предисловие

Здравствуй, читатель.

С тобой я буду честна с первой страницы. Книги, которые я пишу – о принятии и доверии. Через непонимание, разницу мировоззрений и отношения к жизни, и даже личную антипатию людей друг к другу. Если ты чувствуешь себя одиноко, если тебе когда-либо казалось, что тебя никто не рад видеть, даже если ты тянешься к окружающим и открываешься им – они для тебя. Если ты запутался – они для тебя. Если ты ощущаешь, что ранен, если тебе больно внутри, там, где не помогают лекарства – они для тебя.

И, вместе с тем, эти миры для меня особенные. Правду говорят, что писательство отражает одну из граней автора. Острова – это, должно быть, та моя сторона, где живёт неизменная надежда на лучшее будущее, и я буду очень счастлива, если мне удастся поделиться хотя бы толикой этой надежды с тобой.

Вот почему эта книга была, есть и будет бесплатна. Надежду не продают. Как бы пафосно ни звучало, я действительно так думаю.

Глава 1

Витражи из цветного хрусталя причудливо и волшебно преломляли солнечные лучи, обильно льющиеся сквозь них. Пёстрые пятна, похожие на рассыпавшийся калейдоскоп, создавали на гладком полу мистическую мозаику. Отсюда, из этого коридора, по одну сторону которого вдоль всей стены тянулись бесконечные зелёные и голубые узоры умиротворяющего души, успокаивающего и очищающего разум, смягчающего сердца рисунка, а вторую – занимали стрельчатые оконные арки, шум водопада Ови слышался лишь приглушённо, словно у Ли заложило уши мягкой ватой. На этом уровне восприятия он был ограничен волей хозяев и не мог никак повлиять на пространство. Если бы не ласкающие взор оттенки и не ласковая, неторопливая, вкрадчивая музыка, льющаяся сверху, он бы нервничал, но они, видимо, слишком хорошо предусмотрели его реакцию. Стоило отклонить приглашение, но это было бы невежливо, а, возможно, стоило бы ему не только понижения в репутации. Лордам запрещено отказывать Хранителям. Это сообщение сегодня спозаранку стало для него сюрпризом, а Ли очень не любил сюрпризы. Особенно те, что не оставляют ему выбора. Ему не нравился ни Храм Равновесия, ни Хранители Гармонии, или, как их ещё называли – Крылья Улефа. Ни один из восьмерых. Они казались ему слишком отстранёнными, холодными, не интересующимися тем, что где-то ещё существует нижний мир, а в нём – несчастные, не видящие света. Впрочем, нельзя сказать, что он и сам так уж часто спускался под землю, но он хотя бы пытался понимать этих ни в чём не повинных, обездоленных судьбой созданий. И меньше всего, конечно, Ли радовало то, что и его вскоре могут тоже ввести в круг Крыльев. Ещё чего, он не хочет носить серо-белую одежду в знак своего аскетизма и очищения от всех внешних тревог и страстей! Но ладно он, Тану-то за что?! Она не подходит размеренной жизни в молитвах и обрядах, ограниченной внутренней территорией Храма да Садам Серебряных Слёз! Но правила посвящения неумолимы – число юношей и девушек среди Крыльев не должно отличаться.

Блестящая и сверкающая круглая зала, похожая на зачарованный колодец, увенчивалась потолком, имитирующим звёздное небо. Таким далёким, что чёрный кружок, испещрённый золотыми искрами, отсюда, снизу, выглядел крохотным. Восемь пламенных колонн – восемь Хранителей в истинной форме. Ли поневоле содрогнулся – неужели и он таким станет, когда глотнёт из источника, услышит Песнь и проведёт сутки в Чертогах Размышлений? Он бы предпочёл сохранить тело. Настоящее, а не ту иллюзию, в которой Хранители появлялись, когда были вынуждены вести беседу с тем, чей уровень синхронизации недостаточен. Возможно, все правы, а он просто незрелый и безответственный, но Ли так чувствовал. Разве у него нет права иметь личное мнение? Ах, да, у тех, кто родился не на нижних уровнях, не приветствуется отличаться друг от друга. Одинаковые безупречные лица и мысли. Нет, черты внешности

разные, но неудивительно, что примитивы их всегда путают. Уникальность составляют изъясны, они – следы жизненного опыта и самовыражения. Теряя молодость и красоту, приобретаешь нечто неизмеримо большее – воспоминания, знания, умения, понимание других и себя, незримые нити, связывающие души и сердца... Но Хранителям и ближайшим их жрецам недоступно ничто из перечисленного, они застыли, как насекомые в янтаре или стрелки сломавшихся часов. Ли не хотел разделять их судьбу, блуждать вдоль спирали времени, не касаясь её, и забывать своё про схождение – те корни, которым обязан он формированием своей личности. Он не хотел расставаться со смехом, порывами речного ветра на обнажённой коже, лиловыми травяными коврами под ногами, видом колючих серебристых хребтов на горизонте и лучами рассветного солнца, купающимися в Озере Грѐз. Они же, насколько ему было известно, покидали Храм лишь в экстренных случаях и на короткий срок. Не потому что им запрещали – они, как высшая инстанция, сами себе выступали законом. Им попросту ни к чему покидать эти безупречные чертоги. Снаружи всё слишком незначительно, слишком преходяще и суетно по их меркам. Не интересно. Чтобы в тишине, покое и умиротворении размышлять о грандиозном и бесконечном – подходит и этот зал. Они видели и воспринимали слишком многое и сразу, поэтому старались неосторожными прикосновениями не повлечь ненароком чересчур сильные изменения. Там и ценности совершенно другого уровня, люди заменимы так легко, что их ни к чему, да и неинтересно запоминать в лица, за исключением совершенно выдающихся личностей, из которых потом выбирали жрецов или самих Хранителей. Яркие росчерки по серому полотну – те, кто доказал, что отличается от общей бесталанной массы. Те, кого нужно сохранить любой ценой – даже крови всех остальных. Ли знал, что лишь высокий статус и полезность для Хранителей оберегают его от положения такой же разменной монеты. Кроме того, именно поэтому за титулы и звания грызлись едва ли не все и насмерть, стремясь доказать, что на них стоит обратить внимание. И, чем ближе к вождельной цели, чем больше амбиций и веры в себя – тем хуже люди ожесточались. Плебс особенно ни на что не рассчитывал, но среди молодых аристократов возня и толкотня творились чудовищные.

Ли шёл достаточно быстро, чтобы продемонстрировать рвение, и не так торопливо, чтобы это выглядело как лизоблюдство. Он всё же не лакей, которому позвонили в колокольчик. Музыка гладила его по щекам, перебирала волосы, проникала под кожу. Ли понимал, почему все, кто бывал здесь, обычно утверждали в один голос, что их охватывал священный трепет, а религиозное рвение и стремление отдать всё, что угодно, Хранителям, посвятить себя им целиком, возрастало раз в десять. Да, это производило впечатление, хорошо, что его предупредили заранее. И всё равно потянуло пасть перед пылающими столбами на колени, прямо на эту восхитительную мозаичную панораму из цветов и плодов, и возвести горячую хвалу. А он-то думал, наивный, что уровень его интеллекта позволяет оставаться невосприимчивым к религиозному дурману! Хотя, с другой стороны, здесь такая концентрация этих вкрадчивых, поглаживающих психику звуков в сочетании с редким набором благовоний, что не только голова пойдёт кругом, но и миражи видеть начнёшь. И скажи спасибо, если это будут стройные изящные танцовщицы в лёгких платьях, а не мрачные деревенские мужланы с топорами!

– Лорд Ли Н'Фай, мы с прискорбием вынуждены вам сообщить, что по зрелому размышлению пришли к выводу о вашей непригодности на должность Хранителя. Леди Тана Ун'Три получит другое отражение, – монотонно прогнусавил один из столбов с той стороны, где находилась женская половина.

– В соответствии с двадцатым уложением о разжалованных лордах вы отправитесь жить на нижние уровни, – подхватило её Крыло-отражение.

– Но за что? Насколько мне известно, моя квалификация всё равно достаточна, чтобы служить в Храме, даже если я не заслуживаю повышения! И я не совершал ни святотатства, ни предательства! – по-детски обиженно вырвалось у Ли. Да, мысли мыслями, но он никогда не давал им хода!

– Леди Тана может начать отвлекаться на вас и не пройдёт обучение, а, следовательно, и не сдаст экзамен.

– Кроме того, симпатия к вам может побудить её отказать достойному напарнику. Этого не произойдёт, если вы больше не будете числиться в живых.

– Способности леди Таны невероятны. У неё высокие шансы превзойти нас всех без больших усилий.

– И нам очень важно увидеть, кем она станет на пике своей силы.

Ли закусил нижнюю губу и отшагнул назад, собирая в ладони разноцветные блики Калейдоскопа. Если он ударит хоть кого-то из Хранителей – сразу превратится в еретика, и его смогут казнить на законных основаниях, но он выбрал ту грань кристалла, что отвечала за защиту, право на неё отнять невозможно. Радужное сияние пульсировало в его руках, стекаясь к кончикам пальцев, красный сменялся голубым, а жёлтый – фиолетовым. Нежный мелодичный звон наполнил воздух, наполняя Ли верой в себя и надеждой на то, что даже в таком положении для него ещё не всё потеряно. Разумеется, не всё, Крылья могущественны, но даже они – не боги, не настоящие боги, кем бы себя ни возомнили!

– Ты глуп, мальчик, – сказал один из Хранителей-бывших мужчин.

Раздался звук, напоминающий щелчок пальцев, разбивая едва зарождавшуюся мелодию оберегающего заклинания. Калейдоскоп Ли разлетелся стеклянными осколками, стремительно теряющими цвета. Секунду спустя и он сам полетел в черноту – словно бы у него прямо под ногами развернулся ледяной зловещий колодец, уничтожающий свет, тепло, счастье – всё, из чего состоит мир, что делает его живым. Холодное, безразличное, высокомерное сияние Крыльев стремительно удалялось, пока не померкло совсем. Ли успел горько пожалеть, что его таланта не хватило на изучение Зеркала – обращение любых чар против того, кто их применил. А вот у Теры это оказалось врождённой особенностью... Тера, маленькая Тера, как же она теперь будет одна? Её старший брат пропал, а вскоре его ещё и заочно объявят преступником! Представив себе непонимание и ужас в её голубых глазах, Ли заплакал, но солёные капли его слёз ничего не значили в бездонной пустоте.

Тишина стирает из памяти имена и лица, голоса и запахи. Он должен поверить, что всегда был тут, и только тут. В самом деле, зачем тешить себя пустыми фантазиями, если и здесь вполне идиллическая тишина, не нарушенная ни его же собственным дыханием, ни пульсом.

Тонуть там, где нет ни воды, ни какой-либо другой жидкости. Даже влага, исторгнутая отчаянием и болью из его глаз, высохла.

Последней разлетелась в мелкое крошево сверкающая белоснежная жемчужина, таившаяся у Ли в груди и согревающая его изнутри. Его храброе, но оказавшееся таким беззащитным и слабым на поверку сердце.

Крупницы бывшего сердца плавно уносились вверх, подобно пушинкам одуванчика, и с уходом каждой из них из поля зрения Ли погружался всё глубже в апатию. Когда исчезла та, что замыкала их вереницу – он потерял сознание. Признаться честно, он был благодарен своему телу за это – не увидеть, что с ним будет происходить дальше, казалось проявлением высшего милосердия.

Тана не находила себе места от беспокойства. Что-то было не в порядке, хотя огромные серебристые бутоны тысячелепестных роз цвели, как и прежде, на её балконе, а обманчиво бескрайнее – а, впрочем, кто знает, есть ли где-нибудь там, в далёком далёке, ещё какой-нибудь берег? – зелёное море всё так же размеренно катило свои волны, и те разбивались о подножие утёса, на котором стоял её особняк, как и год, и тысячу лет тому назад. Всё обстояло как обычно, убаюкивая её нервное напряжение кажущимися спокойствием и безмятежностью. Тана не знала, за что ей взяться, куда себя применить, и просто расхаживала по просторным светлым коридорам, между колонн из голубого мрамора, под расписанным летящими

птицами сводом потолка, по тонко выполненной мозаике в виде узоров, какие бывают на крыльях бабочек. Дышалось легко, лёгкий ветерок доносил из сада нежный, в меру сладкий аромат. Холодно. Почему так холодно, погода же замечательная? Сама себя не понимая, Тана медленно опустилась на колени, закрыла лицо руками и расплакалась. Без причины и повода, как последняя дура, лишь сердце глухо бухало в груди, противным шумом отдаваясь в ушах, а в висках – сверлящей тупой болью. Тана ощущала потерю, и, хотя назвать её не смогла бы, точно знала – пропало что-то, без чего она не сможет обойтись. И её это совершенно не устраивало, Тана не привыкла и не любила терять, так что за своё она собиралась бороться до последнего... Понять бы только – как и с кем! Но она разберётся, и отражения ей помогут. Они, конечно, капризные и вредные, как все духи запределья, но границы видеть умеют и отлично соображают, когда от шуточек и розыгрышей лучше воздержаться. Пусть кого другого, а не Мастера Зеркал, пугают гротескными ситуациями и никому не принадлежащими тенями в той области, которую зрение едва улавливает. Любят дурачить людей, негодники! Те и приметы сочиняют, и друг на друга пеняют, мол, розыгрыш, да ещё и жестокий, ведь пугать других понапрасну запрещено. Разве что в качестве наказания – но в такой форме их уже несколько столетий не применяют. А вот Тана умеет следить за их блужданиями по ту сторону, и крошку Теру учит – её не проведёшь на такой глупой мякине.

Закусив губу, Тана решительно поднялась на ноги и направилась в Чертог Гаданий. Она не просто не станет игнорировать наглое нападение, но и не отложит расследование ни на минуту.

Глава 2

В крошечной темноте и пустоте, не знающих ни звёзд, ни луны, в чернильном вакууме, похожем на крылья мёртвого ворона, даже случайно залетевшая туда мысль замерзла насмерть за считанные секунды. Казалось, ничто не способно зародиться в ней, она поглощает даже звёздный свет, то есть – свет сердец умерших Хранителей, подобно сверхмассивной чёрной дыре, и ни одна искорка испокон веков ещё не выбиралась оттуда наружу. Тонуть, падать вниз там, где нет никакого направления и никакой гравитации, растворяться во мраке более плотном, чем грех на совести убийцы или покрывало на священном алтаре, чем покров земли над гробом, чем чернота безлунного ночного неба. Какая ещё судьба может ожидать несчастного, угодившего сюда? Не имеет значения, сколько бросятся искать его повсюду и не найдут, как много душ погаснет от горя и тоски. Он не вернётся, так не бывает. О, как же много их уже кануло на дно, заблудилось в хитрых и обманчивых тенях, отреклось от себя! Что есть любой человек, если утратил и память, и рассудок, и желания, и надежды? Меньше, чем призрак, чем блик на стекле, чем угодившая на свечу бабочка. Горсточка праха, чью принадлежность уже не установить. Имя – штука непростая, кому попало не выдаётся. Это аванс от жизни, обещание того, что вырастешь достойным человеком. Это пожелание, выражение веры в тебя, чаще всего ищут покрасивее, что-то звучное и броское. Чтобы удача и хорошая судьба не промахнулись, выбирая, непременно заметили и ближе подошли. Если ты разочаруешь бытие – имя потеряешь. Станешь как травинка на просторном лугу летом, как одна из сотен птиц в огромной стае, как листок дерева в диком лесу – неразличимый, слитый со всеми остальными, и называться как-то отдельно тебе не нужно. Не заслужил. Разбросано, упущено, разошлись нити. Как же кто-то вспомнит тебя, если сам себя не помнишь?

Это конец? Всё пропало?

Так кажется, не правда ли? Само мироздание отворачивается, оставляя бывшего пассажира за бортом.

Но вдруг непроглядный мрак расчерчивает крохотная капелька влаги. Слезинка касается кожи, озарив ту мягким голубым сиянием, и неожиданно под ней обнаруживается чья-то живая и тёплая щека. А потом – о чудо! – из утративших чувствительность, заиндевеливших, неесте-

ственно бесцветных губ вырывается слабый вздох. Тьма раскрывается лепестками огромного цветка, выпуская наружу – в тускло-фиолетовую пучину, в которой пленник тут же начинает судорожно барахтаться, пытаясь подняться на поверхность, туда, где виднеется что-то вроде холодного серебряного солнца, не согревающего, однако, достаточно яркого, чтобы указать путь. Вынырнув, безмянный обнаруживает себя в самой середине озера, скрытого в глубине пещеры – мрачной, но хотя бы вполне осязаемой и реальной, в отличие от изнанки мира, которая едва не поглотила беднягу без остатка. Он не помнит, кем является и как сюда попал, но донельзя счастлив, что живой. Так счастлив, что кричит во весь голос. Даже недружелюбность и суровость этого странного места ничуть не угнетает его – он выбрался из посмертия, остальное наверняка тоже получится. Осознавать себя, дышать, видеть, чувствовать кожей холодный воздух, каменные стены и пол – уже благо, это волшебство, сотворённое для него. Второй шанс.

Но откуда взялась хрустальная сфера с жемчужно-белым огнём внутри, левитирующая у него над головой, под самым сводом пещеры? Благодаря ей он и разглядел, где находится. Стены отливали фосфоресцирующим зелёным. Для естественной породы они, пожалуй, выглядели слишком гладкими, а весь грот – чересчур правильной круглой формы. Отлично. Значит, это место когда-то исследовали и заодно облагородили, а, следовательно, где-нибудь имеется выход.

Не так-то легко стереть из бытия однажды рождённое. То, что раз создано, будет цепляться за жизнь до последнего, карабкаться вверх по стене, заросшей колючим диким шиповником и ядовитым плющом. Бежать по лабиринту, чьи стены тщатся тебя раздавить, и ты даже не различаешь, куда мчишься, только бы не споткнуться. Ни наверху, ни в конце тоннеля может не оказаться никакого выхода, но пытаться всё равно надо. Небезразличие. Связь между сердцами. Познание нового. Всё это мешает просто махнуть рукой, отрекаясь от бесчисленных будущих возможностей, и позволить своему телу провалиться в бездну.

Этот шар – точно знак, что всё обойдётся, его счастливая путеводная звезда! Доверяя тому, что однажды уже помогло ему, юноша решил следовать за сферой. Ему не по карману быть разборчивым и подозрительным, любая мелочь к стати.

– Как вы могли?!

Тана не просто ворвалась в залу без приглашения, подобно спятившему вихрю, в центре бешеного потока вращающейся со скоростью звука серебристой и лазурной энергии, но и с порога ударила того из Хранителей, кто стоял к ней ближе всех. Хранитель отразил атаку, и яркая, сверкающая сила брызнула во все стороны. Тана, однако, тут же собрала её вновь одним мановением руки и превратила в зазубренный клинок, подобный кристально чистому льду. Она полоснула другого Хранителя, и на пару секунд его сияние развалилось надвое. Однако, почти сразу же тот восстановился, и золотой луч, вырвавшись из его ослепительного тела, контратаковал Тану. Она едва успела топнуть ногой в мозаичный пол – и пробежавшая по гладкому холодному покрытию рябь в мгновение ока сделала то зеркальным. Тана сразу же нырнула туда, буквально сквозь землю провалилась, сливаясь со своим отражением, и мощь Хранителя пропала втуне – просвистела в пустом воздухе и развеялась.

– Мы так и предполагали. Вы достойны, леди Тана.

– Вы узнали о том, что произошло, даже быстрее, чем мы надеялись.

– Мы довольны вами.

Унисон голосов Хранителей ещё больше вывел Тану из себя. Её ярость была подобна свирепой песчаной буре или гигантской безжалостной волне, встающей до самых небес во время шторма на океане – пленительно, завораживающе, красиво, убийственно.

– Ах, вот как! Зато я недовольна вами! – горячо выпалила она, сжимая кулаки, её щёки пылали. – Это что же, проверка?! Эксперимент?! Ли вам не игрушка и не подопытный мате-

риал! Вы не можете поступать с нами так, будто наши тела, души, мысли и желания принадлежат вам!

Даже не презрительный, а великодушно-снисходительный смех Хранителей гулким роко- том вознёсся к потолку. Они настолько не сомневались в своём праве, что укол Таны даже не заметили.

– Но так и есть. Кто вы без нас?

– Беспомощные сосуды, лишённые цели и смысла бытия. Прах, в который обязан воз- вратиться любой, чья полезность исчерпана.

– Ли стал лишним звеном в нашей схеме, и мы избавились от него.

– Забудь об этом юноше. Мы дадим тебе партнёра куда совершеннее.

– Ошибаетесь! Я сама могу разобраться, кто им станет! И я верну Ли, чего бы мне это ни стоило!

Зеркальная волна захлестнула одного из Хранителей – бывших мужчин. Он закричал и развоплотился.

– Сопротивление бесполезно, – терпеливо, но строго и серьёзно, будто общаясь с лома- ющим стулья и бьющим тарелки ребёнком, сказала Хранительница, выступавшая в роли пар- ного Крыла этого неудачника, ничуть не впечатлённая произошедшим.

– А вот я так не считаю! – Тана, всё ещё скрытая в зеркальных глубинах, мелькнула ненадолго, чтобы указать на неё рукой.

Копья, подобные ожившей, разумной амальгаме, пронзили женщину насквозь, воткнув- шись в живот снизу вверх, а выйдя из спины между лопатками и из плечей.

– Вы уязвимы! – торжествующе заявила Тана, широко улыбаясь.

– Уверена?

Кто-то вцепился в её запястье и выволок наружу из укрытия, разрушив мнимое ощу- щение безопасности Таны. Кто-то?! Нет, тот самый мужчина, на короткое время избравший свою человеческую ипостась – так удобнее было выудить Тану из её личного магического простран- ства! Он не погиб! Ловко и умело разыгранный спектакль заставил Тану забыть, с кем она имеет дело. Неужели они пытались внушить ей веру в близкую победу, чтобы она расслабилась и допустила ошибку?! С этих мерзавцев станется!

– Эти тела трудно повредить, – мягко проговорил он и, продолжая держать её, второй рукой погладил по голове.

– К сожалению, мы не готовы проигнорировать и оставить без наказания подобное пове- дение, – добавила его напарница, во мгновение ока избавляясь от зеркальных кольев Таны и заживляя раны. Она сделала это демонстративно, глумясь над поверженной пленницей.

– Твои воспоминания подлежат уничтожению. Все, кроме тех, что связаны с великолеп- ными боевыми навыками.

– Нужно ещё оставить детство. Нам ведь недосуг нянчиться с младенцем во взрослом теле, верно? – вставил голос совсем юного паренька. Подросток? И такой же циничный, как старшие?

– Кроме того, я предлагаю корректировку характера, – продолжал уже иной женский голос.

– Принято.

– Нет! – Тана рванулась, но это не помогло.

Двое Хранителей обволокли её янтарным сиянием, подняли и понесли прочь.

– За... Чем? За что? – еле шевелящимися губами пролепетала Тана, уже теряя сознание, не рассчитывая, что её услышат.

Но в ответ на эти слова одна из Хранительниц погладила её по щеке.

– У тебя сильное чувство справедливости, не так ли, милая? Вернее, того, что ты прини- маешь за неё... Когда ты видишь, что кому-то больно и плохо, ты хочешь защитить этого чело-

века, бороться за его благополучие, если сам он постоять за себя не может... Правильно? Ты не принимаешь в расчёт то, что он может нести заслуженное наказание. Или быть невинным, но мешать на пути осуществления куда более грандиозных планов. Жертвовать кем-то, конечно же, всегда печально, и вполне вероятно, что искупления такому нет, но этот грех можно принять на себя, если он осчастливит неизмеримо большее количество душ и сердец, чем те, кому придётся причинить страдания... Зная, что наш труд необходим, мы готовы пойти на крайние меры. Твой друг был хорош, но он мешал нам.

– Нельзя... Так... Нельзя... – не сдавалась Тана, хотя ласковому вкрадчивому голосу тянулось сдаться, уступить, согласиться, чтобы доставить удовольствие его хозяйке, такой он был приятный.

– Да, не исключено, что ты права. Наверно, мы прокляты своим положением и могуществом. Но, когда твои руки должны оберегать равновесие мира – не замарать их по самые плечи не получится. Увы, мы живём не в сказке.

Сияние Хранительницы, успокаивающее, надёжное, золотисто-белое, отражалось в полуоткрытых глазах сопротивлявшейся неизбежному девушки. Казалось, оно хочет поцеловать бедную пленницу, не распорядившись сейчас даже своим телом, соблазнительно беззащитную и открытую любому воздействию. Грудь Таны взволнованно и испуганно вздымалась и опускалась... И в ней всё ещё ощущался не подавленный гнев, пылающий упрямой свечой, помогавшей Тане не погрузиться в колдовской сон. Хранительница, впрочем, не сомневалась – надолго её не хватит.

– Дитя, если ты расслабишься – облегчишь себе участь, – с искренним сопереживанием и симпатией к Тане сказал Хранитель, видимо, состоявший в дуэте с этой женщиной.

Тана, парализованная, но не сломленная, кипела. Они планируют остаться безнаказанными! Они – высшая, непобедимая инстанция власти, воплощение истины для всех! Разумеется, они провернут свою гнусную задумку как по маслу! Сила заметалась в ней, не находя выхода, оковы надёжно подавляли любую возможность прорыва. А Тана бы не пощадила тех, кто превратил её в марионетку, в посмешище, в инструмент!

– Вы... Чудовища. И когда-нибудь... Вас изгонят! И поделом! – злость придала Тане энергии почти выкрикнуть это.

Оба Хранителя замерли.

– Может быть, нам ещё сделать её и немой? – мягко промурлыкала женщина.

– Зерно беспорядка и лжи пустило глубокие корни в её душе. Она испорчена и воспринимает мир искажённо. Детские представления о доброте неприемлемы для взрослого. Бедняжка не понимает правил нашей реальности, она витает в своих идеальных грёзах, и это плохо. Остаётся лишь надеяться, что семя скверны не успело загубить все лучшие задатки в ней... Но да, ей и правда не стоит оставлять возможность общаться и сеять смуту и хаос в окружающих. Жаль, у девочки острый ум, я был бы не прочь поговорить с ней снова.

Хранитель тяжело и печально вздохнул, и они продолжили идти, больше не обращая внимания на трепыхания Таны. Она как будто умерла для них, и они несли её скорбно, как в гробу. Они неподдельно расстроились, и свет их потускнел. Им хотелось, чтобы она разделила их великие замыслы и поняла, зачем они так с ней поступают. Они верили, что, осознай Тана всю глубину идеи – сама бы с энтузиазмом предложила распорядиться ею. Она ведь достаточно ответственная девушка, чтобы не отказываться от высокого долга, одно лишь существование которого делало ей честь.

Глава 3

Лабиринт туннелей и пещер был похож на фантазию спящего – такой же нескончаемый, гротескный, абсурдный и нелогичный. Даже несмотря на то, что бредущего по нему юношу сопровождала загадочная сфера, озарявшая ему дорогу – он ухитрился заблудиться, совер-

шенно не запоминая, где уже побывал, а где нет. Всё казалось абсолютно одинаковым, будто одну и ту же заготовку сотни и сотни раз скопировали, и эти дубликаты соединили между собой. Первоначальное воодушевление, которым юноша заразился благодаря своему чудесному спасению, сменилось усталостью – и телесной, и душевной. Он с трудом передвигал ноги, его желудок урчал, а горло просило хоть глоток воды. Смерть всё ещё не казалась юноше привлекательной альтернативой, но страх уже съел почти всю его радость от возможности жить, видеть и чувствовать. Тем не менее, присутствие шара напоминало ему, что его зовут, ждут обратно, и не имеет значения, что юноше не удавалось вспомнить ни лица, ни голоса того, кто помогает ему. Осознавать потребность в твоём возвращении, в сохранении твоих жизни и здоровья кого-то ценно само по себе.

– Что ты потерял здесь, ребёнок? – внезапно заговорила с ним стена.

Юноша шарахнулся в сторону, трепеща от нахлынувшего ужаса. Голод, холод и одиночество истощили его, и он не мог драться, не мог даже достаточно быстро убежать... Впрочем, никакого монстра он не увидел. Да и вообще никого. Ни захудалого привидения, ни хотя бы крысы – чем демоны не шутят, вдруг её чьи-то чары наделили даром речи, он бы не удивился.

– Это я, – сказал чёрный камень, лишь небольшой частью торчавший из стены. Почти целиком он был скрыт в этой сплошной породе, как массив айсберга – под толщей океанских вод.

Неким необъяснимым, совершенно нелогичным, но острым и чётким наитием юноша осознал, что речь звучит прямо у него в голове. И, вместе с тем, исходит из толщи горы. Здравый смысл не давал юноше взять в толк, как первое увязывается со вторым. Пришлось попросту смириться с фактом непостижимого.

Но мальчик? Не таким уж и маленьким он выглядит!

– Я не... – начал было юноша доказывать, что уже давно достиг совершеннолетия, но вдруг осознал, что не в состоянии определить свой возраст даже приблизительно. Он перестал понимать, как это делается.

– В тебе чего-то не хватает. Я давно свихнулся, это вернее верно, сынок, но уж не настолько, чтобы не заметить дыру в чужой груди! Да через неё сквозняк проходит, как в распахнутую настежь дверь! Что, для тебя это сюрприз?

Юноша тут же на всякий случай почти судорожно ощупал обеими руками свою грудь. Нет, тело как тело... Он недоуменно моргнул, уставившись на камень в ожидании объяснений так, словно тот был ментором в университете. Юноша отчего-то сразу начал воспринимать нового приятеля старшим и куда более умным. Ему было вовсе не стыдно и не дико думать так о каком-то застрявшем в стене, случайно встреченном булыжнике, слишком уж уверенно в себе тот держался, явно имея некоторый опыт.

– Не воспринимай всё так буквально! – камень издал странный звук, между потрескиванием и поскрипыванием.

С запозданием юноша догадался, что слышит смех. Жутковатый, признаться, смех. Чем-то это напоминало ему звук, с которым точат бруском что-то металлическое, вроде серпа или косы.

– Ты знаешь, что это за место? – наконец, отвеселившись, спросил камень. Юноша поклялся бы чем-нибудь, имей он при себе хотя бы что-то ценное, кроме тела – его странный собеседник внутренне улыбается. Иронично, однако, при этом и тепло.

– Откуда же мне знать, – бурчание вышло невежливым и жалким.

– Это пучина. Дно без дна. Ты выберешься отсюда, когда все осколки, выпавшие из твоего сердца, вернуться на свои места. Самые очевидные – это имя, воспоминания и цель. Остальные тебе придётся определить самому.

– А кто вы? – не без любопытства прищурился юноша.

– О! Тебе полезно это узнать! Я – тот, кто в своё время провалил такой же поиск. Ты станешь подобен мне, если не успеешь или позволишь страхам, злости и отчаянию овладеть тобой.

Юноша отшатнулся. Камень вновь рассмеялся – на сей раз уже не скрывая подлинных эмоций, жутко и совершенно безжалостно. Не выдержав этого потустороннего скрежета, юноша кинулся бежать, налетая на стены и спотыкаясь, а вслед ему всё так же несло страшное, злорадное, переполненное жаждой поскорее дождаться его страданий ликование. Тёмное и тяжёлое, оно эхом отдавалось вдоль всего туннеля. Отпечаток эмоций человека, которого больше нет? Или оно изначально родилось таким? Юноша понятия не имел, ведь существо легко могло и солгать, наслаждаясь тем, как легко бестолковый простак поверил. Наверно, здесь совсем нет развлечений, поэтому тварь и воспользовалась подвернувшимся случаем.

Безмолвная сфера летела у юноши над головой, пока он мчался прочь так быстро, как позволяли подгибающиеся ноги. Лишь один раз, на распутье из пяти коридоров, она обогнала его и сама выбрала направление. Юноше хватило ума последовать за ней; он хорошо понимал, что сфера – его единственный шанс выбраться.

Сабра Н'Гети плела кружева из золотой паутины. Часть из них была похожа на летящие перья, другая часть напоминала разбушевавшуюся вьюгу. Были среди узоров и силуэты диковинных птиц, и огромные цветы со множеством бахромчатых лепестков. То и дело горланно вскрикивая, Сабра пыталась опутать сетью нескольких молодых парней и девушек, метавшихся вокруг неё. У некоторых на ладонях трепетали, разворачивая крылья, красные и белые бабочки, они срывались в свой единственный короткий полёт, рассекая ловушку, но платя за это существованием. Другие рассыпали во все стороны сиреневые и голубые иглы – те, казалось, значительно уступали бабочкам в скорости и силе, зато их было гораздо больше. Доспех Сабры победоносно и гордо сиял на солнце. Короткие серые волосы, растрёпанные так, словно ей выдался плохой месяц, и ни разу за это время она не причёсывалась делали её похожей на мальчишку-разбойника. Взгляд, осанка, движения делали её похожей на охотящуюся орлицу.

Внезапно Сабра резко взмахнула рукой. Время словно бы застыло – и вдруг все чары развеялись, и бой прекратился. Она обвела взглядом ребят и небрежно бросила им:

– На сегодня урок окончен.

– Но почему, леди Сабра? – не поняла маленькая и хрупкая девочка, протестуяще тряхнув рыжими вихрами.

Та не ответила. Всё, что у неё было – это ни с того, ни с сего всполошившаяся интуиция. Плетельщик чудес, не обращающий должного внимания на то, как его чутьё вдруг начинает истошно бить в набат, долго не живёт – общеизвестный факт. Сабра перевела взгляд на Вилитту – её лучшую ученицу после Таны, стоявшую рядом с рыжей малышкой.

– Пожалуй, Анви права. Ваше обучение не должно страдать от чрезвычайных обстоятельств среди старших. Прошу, доведи занятие до конца. Мне нужно уйти, – спокойно сказала она.

Девушка кивнула, и Сабра быстрым размашистым шагом пошла по сиренево-белой мозаике, украшенной поверх тончайшим узором голубых нитей. Мозаика изображала то ли цветок с острыми лепестками, то ли десятилучевую звезду – она была настолько древней, что никаких сведений о том, что подразумевал её создатель, не сохранилось.

Вилитта с восхищением и обожанием смотрела вслед удаляющейся наставнице. Она сама никогда не чувствовала, что так уж нуждается в этих занятиях, но ей хотелось, чтобы госпожа Сабра выделяла её среди остальных, признавала, ставила в пример. Вилитта с раннего детства слышала потрясающие истории об этой женщине, госпожа Сабра стала её кумиром, образцом

для подражания, той, кем и сама Вилитта хотела бы однажды стать. Впрочем, когда она чисто-сердечно призналась во всём самой госпоже Сабре – та лишь печально покачала головой и сказала, что Вилитте нужно понять, какое она занимает место в мире без оглядки на авторитеты и чужие идеалы, найти собственный путь, не похожий ни на чей другой. Подражание, как пыталась госпожа Сабра внушить Вилитте, превращает её в осколок личности вместо цельного человека. Вилитта такого не ожидала. Она думала, что госпожа Сабра оценит её порыв, будет гордиться её стараниями. Тем не менее, Вилитта поклялась себе ни за что не подвести наставницу, и тогда госпожа Сабра, возможно, однажды поймёт. Вилитта стремилась к подвигу, ореол бескорыстной жертвенности манил её, и такую абсолютную самоотдачу, такую верность правде и справедливости, постоянную готовность положить себя, свою плоть и кровь, на алтарь их парящего в небесах, пронизанного светом, теплом и радостью Отечества она видела в госпоже Сабре. Вилитта обязательно докажет, что достойна встать рядом, что не спасует, заглянув в пекло, и, хотя безупречность и благородство госпожи Сабры недостижимы ни для кого более – Вилитта не пощадит своих скромных сил, чтобы её вклад пригодился. Она не потратит ни минуты на мужчин, на бесполезные и глупые развлечения, на лишённые смысла и цели прогулки по местам, которые она уже давно знает как свои пять пальцев. Пусть этим занимаются посредственности, не способные к магии или испугавшиеся её развивать. Вилитта с какой-то сентиментальной нежностью смотрела на жителей своего города – она будет их защищать, оберегать и вдохновлять, но считать ровней? Нет уж!

– Анви, я бы хотела вместе с тобой показать всем новый приём. Я научу вас всех скользить сквозь.

Госпожа Сабра предупреждала, что это высшая ступень обучения, но она, наверно, просто слишком осторожничает. Они молодые, сильные, смелые и должны иногда рисковать! Пусть затем госпожа и отчитает её – зато Вилитта блеснёт перед ней, ради этого не жалко и наказание потерпеть!

– Да, конечно, – встрепенулась рыжая девчонка, едва ли не подпрыгнув на месте от прилива энтузиазма.

Никогда она не нравилась Вилитте, та ревновала внимание госпожи Сабры к ней, ничем не примечательной выскочке откуда-то снизу. А по яркому сочному пламени волос и блестящим зелёным глазам даже и не скажешь – обычно они там все рождаются серыми и одинаковыми, как мыши. Да, у Анви был талант, этого даже Вилитта не могла не признать – но она лучше, гораздо лучше безродной простушки и её никчемных бабочек! Какое же это оружие?! Что вообще за магия дурацкая такая?!

– Нападай на меня, Анви.

Вот теперь она докажет девчонке, что та здесь лишняя и выставляет себя на посмешище, не выучив что-то поприличнее!

Из ладоней Анви, сияя, как весенняя заря или цветущие один день в год, но так, что их великолепие оживляет и будоражит сердца всех, кто его успел застать, до следующего раза деревья миллы, возникли одна за другой пёстрые бабочки. Нежно-розовые, сиреневые, кремово-бежевые, загадочно-синие, прозрачно-зелёные – бабочки рождались и рождались. Сначала всего несколько, потом пара дюжин... И вдруг несколько сотен. Вилитта играла на флейте, и ноты образовали сплошной панцирь вокруг неё. Вернее, он лишь казался сплошным. Бабочкам не хватало узких щелей между лентами из парящей музыки, чтобы проникнуть внутрь, но вот у Вилитты сбилось дыхание, одна из прорех стала чуть шире... И бабочки тут же пробились, разорвали полотно мелодии, они облепили руки, ноги и лицо Вилитты. Она взвизгнула, уронила флейту и, уже теряя сознание, заметила, как Анви, весело и беспечно улыбаясь во весь рот, делает отменяющий жест.

Проиграть ей... Ну, всё, она точно поплатится за это! Из обычной потенциальной конкурентки на место около госпожи Сабры, всего лишь одной из многих, Анви превратилась в личного врага Вилитты. Она обязательно станет лучшей! Непревзойдённой! Любой ценой!

Вилитта уступила обмороку, но злость оставалась с ней до последнего мгновения. Она искренне и глубоко возненавидела Анви. Ведь приём нужно совершать в состоянии отрешённости от всех переживаний и идеальной гармонии со своим "я" и внешним миром. Бабочки не прикоснулись бы к ней, получишь у неё скольжение! Но она провалилась. Позорно провалилась на виду у класса. Об этом непременно доложат госпоже, и... Додумать Вилитте уже не удалось, но яростная жажда отомстить отпечаталась в том уголке её сознания, который полагось содержать в чистоте.

Глава 4

Сабра много лет учила молодое поколение меткой, как аккуратный и чёткий, выверенный до миллиметра укол шприца, скрупулёзно различающей малейшие нюансы, нуждающейся в регулярных тренировках, зато безотказно служащей потом, когда её отточешь, способности идентифицировать оттенки своих переживаний, отличая порывы сиюминутных эмоций от интуиции чародела – самому важному, что у них есть. Ни в коем случае не следует приступать ни к какому занятию, если разум затуманен, и ты не можешь отличить перепад настроения от чувства внутренней правды, а само это чувство – от желания устроить самосуд или потакать своим прихотям. Необходимо держать в чистоте мысли и ощущения точно так же, как не позволяешь себе выходить на улицу в грязной одежде или не совершив должного омовения. Лишь глупцам кажется, что содержимое головы, образ мыслей, отношение к реальности вокруг, не может плохо пахнуть, да и гнильцу не заметят, если она нематериальная. Нет, так не бывает, обычно всё становится очевидно, едва ты откроешь рот и выпустишь из него хотя бы пару фраз. Только отдавая себе отчёт в каждом из них, понимая, что откуда происходит и зачем, можешь говорить, что ты достаточно зрелый для счастья и горя, любви и ненависти, злости и прощения. Ты умеешь управлять ими и понимать, когда и где какая эмоция приносит пользу, а в какие моменты она ядовита и разрушительна и для тебя, и для остальных. Смущённый же миражами и ложными идеями – обязательно совершишь ошибку. Когда твои же переживания манипулируют тобой – ты не полноценно сформированная личность, а, самое большее, просто потерянный и напуганный ребёнок. Или рассерженный, спонтанно бросающийся из крайности в крайность. И сейчас Сабра думала, что её дорогая ученица, Тана, позволила себе именно это – поддаться дурману и кинуться куда-то, очертя голову. Тана нуждается в помощи, но на выручку излишне торопиться не стоит – нужна подготовка, иначе и она, Сабра, взрослый, разумный человек, тоже попадёт в неприятности и лишь усугубит ситуацию. Что простительно молоденькой девушке – то непозволительная блажь и позор для зрелой женщины. Спасать других за счёт себя – банальность и чушь, достойная лирического эпоса, а не настоящей жизни. У Сабры есть ответственность перед учениками и городом, слишком уж легко пойти и лечь костями, не учитывая последствия или догадываясь о том, чем обернётся твой поступок, но плюя на это. Адекватно распределяя личные ресурсы, можно выручить куда больше людей, чем, выражаясь образно, если сожжёшь себя на костре. Да, горит ярко и жарко, но быстро выдыхается, пожирает самое себя, и в грудке золы уже не отыскать ни уголька.

Не поймите её превратно – она очень любила талантливую и отважную Тану, да и сама Сабра в молодости примерным поведением вовсе не отличалась. Например, она всегда заявляла, что не собирается жевать неудобоваримое, даже если это называют высоким искусством, полезным для развития духа и разума, и ей плевать, что оно обязательно по программе. Она не могла и смотреть на эти длинные тексты, устаревшие на несколько веков, не понимала, почему ей вменяют в долг перед прошедшими поколениями, честью рода и всей страной восхищаться тем, что она считает до скрежета зубовного занудным, путаным, непонятным. Или хаос красок

на полотне, который выдают за картину, за шедевр, хотя у неё от него лишь болят глаза, и всё. Да, возможно, она была недалёкой девицей, не желающей слишком глубоко задумываться и тратить на это часы, которых ей и на действительно полезные вещи не хватало, но она считала, что, во всяком случае в своём праве выбирать, чем заниматься и для чего. Она отнюдь не стремилась что-то кому-то доказывать, особенно то, что в ней где-то глубоко якобы дремлет непризнанный гений, или что её волнует идеальный аттестат. Выше всего Сабра ценила честность перед собой и остальными, пусть иногда это и навлекало на неё строгие наказания. Она бы ни за что не отказалась от этого принципа, потому что сохранить самоуважение и воздать его же тем окружающим, кто заслужил это, в её глазах гораздо более достойно, чем прогнуться перед вышестоящими, как бы блеск их высокого положения ни оправдывал всеобщее преклонение. Может, и не стыдно склониться перед безусловными для подавляющего большинства авторитетами – но не для неё. Потрясающие метаморфозы порой происходят в голове, если всего-навсего однажды в нужную минуту правильно задаться вопросом, кому, зачем и почему это надо. То, что казалось прежде очевидным, может перевернуться вверх тормашками, и ты больше ничего никогда не примешь на веру, просто потому что так, видите ли, полагается... Тем не менее, Сабра никогда не набрасывалась в лоб на тех, кто вывел её из себя. Если их сотрудничество обещало взаимные выгоды, не ронявшие при этом её честь – она даже порой соглашалась потерпеть тех, кто её раздражал. С годами Сабра привыкла мягче выражать своё мнение, а то и вовсе оставлять её при себе там, где от неё не требовали комментариев. Она всё чаще предпочитала промолчать, уступить и пойти заниматься чем-то по-настоящему интересным ей. Всех дураков, в конце концов, не перевоспитаешь, только силы растратишь. Нетерпимость – то, от чего она старалась отучить Тану. Сабра была холодной горной рекой, а Тана – степным пожаром, вспыхивала в мгновение ока, и эмоции лились из неё широкими густыми потоками, как кипящая лава из вулкана.

С лучшим другом Таны, Ли, Сабру объединяло одно – она негативно относилась к затее посвящения этой девочки в Хранительницы. Рано, Тана не готова, да и... Живой, едва распустившийся цветочный бутон, дышащий свежестью и надеждами, не срывают для коллекции.

На полпути к Храму Сабра остановилась. Вряд ли беседа с Крыльями что-то ей даст. Молиться им она не любила, и вообще их отношения оставались в последние полторы дюжины лет изрядно натянутыми. Она испробовала все законные способы добиться отклонения кандидатуры Таны, и каждая из этих попыток с треском провалилась. Чем дальше – тем сильнее настораживало Сабру то, как непоколебимо и уверенно Хранители настаивали на повышении Таны. Объективно рассуждая, многие преуспевали лучше, чем она. Сабра, памятуя, что в день наступления тридцатилетия её и саму саму позвали в Хранители, и, кажется, искренне огорчились отказом, отбросила свою прежнюю категоричность и предложила заменить Тану ею, но они сказали, что такой вариант неприемлем. Значит, дело не в опыте, не в уровне силы и не в знаниях – во всём этом Тана пока что отставала от неё. Что-то крылось в этой девочке, чего не доставало другим. И пелена тайны, фиолетово-синяя, со странным горьковатым привкусом, дарила Сабре весьма дурные предчувствия.

Нет, она не в состоянии сейчас выдержать словесную эквилибристику против Хранителей. Они ведь мастера таких трюков. Сам не заметишь, как тебя спеленают сладкими речами по рукам и ногам. Если бы она тогда позволила вовлечь её в дискуссию – они бы почти наверняка нашли аргументы привлечь её на свою сторону, и сама бы не заметила, как встала бы рядом с ними, отбросив всё земное. И, вероятно, для кого-то подобное вовсе и не плохо, и даже однозначный рост, карьерный и психологический, но не для Сабры и не тогда.

Домик прятался за изящными столами лазурных деревьев, их пышные кроны выглядели изысканной и невероятно дорогой роскошью для этой части города. Сабра отлично знала, что на их материке эта красота естественным образом не растёт, её везут издалека, сквозь ураганы, грозные тучи, невзирая ни на пронзающий до костей холод, ни на палящий зной. Да и сам

домик, при всей его мнимой внешней простоте, был сложен из материала, который появляется, лишь когда один из островов гибнет. Недра острова тогда выходят наружу, обнажая потрясающие сокровища, и, если ты отчаянный и не дорожишь шкурой – твой риск, вероятно, окупится. Род Таны не только обладал выдающимися богатствами – он выставлял их напоказ, хвастаясь всему миру, что для него нет проблем добыть всё, что заблагорассудится, утолить любой каприз. Сабра приняла Тану, хотя и подозревала, что воспитание в семье аристократов-сибаритов испортило девочку, и что эта наследственность ещё доставит им огромный ворох крупных неприятностей – но Тана приятно удивила её. Девочка оказалась открытой и непосредственной, чуть наивной, но отзывчивой и доброй. Невозможно было представить её среди огромных залов, где в надраенном до безукоризненной чистоты и гладкости полу, так похожем на обманчиво надёжную и прочную поверхность бездонного хрустального озера, блуждали призрачные двойники людей, что жили наверху. И почти пустым коридорам, где лишь изредка на цыпочках, чтобы не потревожить хозяйский покой, сновали безмолвные слуги, Тана не подходила. Впрочем, про Ли можно было сказать то же самое. Сабра представляла их как ноты браваурного праздничного марша в заунывной траурной симфонии. Красное, жёлтое и оранжевое среди бледно-голубого и серого. Такие дети внушали надежду на яркое будущее... И отдать их жизнерадостность и невинные мечты на заклятие Хранителям?! Ни за что! Жизнь не дала Сабре родных детей, и она не раз ловила себя на том, что невольно ведёт себя с этими двумя как мать, строгая, взыскательная, но заботливая. Впрочем, она отлично понимала, что, утешая себя подобными иллюзиями, занимается профанацией.

Сабра вошла в дом. По традиции дверь оставалась незапертой – в столице, где каждый второй умеет чувствовать мысли и намерения тех, кто его окружает, а то и читать следы, даже самые пропащие личности не пробовали присвоить себе чужое. Тем более, что вещи редко давались в незнакомые руки. Чары распознавания подлинного обладателя – традиционный знак качества при производстве, предмет, лишённый такой эмблемы, вряд ли кто-то приобретёт. А того, кого ловили на воровстве, сбрасывали в Нижний Мир, и никаких исключений, даже если он тысячу детей спасал от голода. Отсутствие же замков и засовов на дверях – свидетельство, что живущему в доме нечего скрывать, и стыдиться тоже нечего. Спокойствие совести, гармоничные отношения со всеми и каждым в столице, жизнь в качестве единого отлаженного организма считались здесь высшими ценностями, абсолютными и непреложными. Стыд воспринимался хуже смертного приговора.

Тане подарили этот домик, когда ей исполнилось пятнадцать лет. С этого момента родители перестали ей быть что-либо должны, да и она не рвалась продолжать с ними общение. Сабра прошла мимо фонтана, выточенного из цельного алмаза невиданных размеров. Разноцветные струи падали каждая в специально отведённую для неё чашу. Свет, преломляясь в гранях алмаза, проходя сквозь изысканно выгибающиеся потоки воды, создавал в помещении удивительную феерию оттенков. Тонкие резные ступени лестницы по широкой дуге уходили куда-то вверх, отсюда невозможно было определить, сколько там этажей, да и внешний дизайн здания был спроектирован так, чтобы на глазок не высчитывалось никаким способом, но Сабра и так знала – их пять.

На третьем этаже Сабра нашла то, чего ей очень не хотелось. Она до последнего надеялась, что Тана не решилась на этот ход, так как знала, какую цену положено платить за его успех. Глупая и бесстрашная девчонка! Сабра даже не порадовалась, что хорошо обучила Тану, ведь такая ворожба давалась лишь единицам. Предвидела бы, к чему это приведёт – не показала бы даже азы до того, как Тана достигнет последнего года обучения... Впрочем, под тем-то давлением, что оказывали на них обеих Хранители, медлить тоже, к сожалению, не вышло бы.

– И убежала ещё... – вздохнув, Сабра покачала головой.

Да, это колдовство работало автономно, однако, без чуткого руководства оно владело лишь примитивными базовыми функциями, да и воображения было начисто лишено. Это её,

Сабры, упущение – она не привила Тане понимание ответственности хотя бы за то, что девочка сама же и начала. Впрочем, она уже смекнула, что стряслось. Придётся ей взвалить эту ношу на собственные плечи, нет времени ждать возвращения Таны... Которого может и не случиться. Ох, и дурные же предположения нахлынули на Сабру! Но, как говорится, потянешь из омота сразу двоих – только сам утонешь. Сабра никогда не доверяла магии отражений, но, наверно, ей удастся воззвать к ним через тот контракт, что заключила Тана.

Глава 5

Анви не хотела входить в этот дом. Хоть он и принадлежал её родителям, она знала, что они давно здесь не живут, и даже птицы облетают его стороной. И неудивительно, если вспомнить, при каких условиях её семья отсюда переехала. Дом так и не удалось продать, и в подарок его тоже никто не хотел брать. Уже от одного только вида порога и входной двери бросало в дрожь и холодный пот. Да уж, слава разлетелась быстро, и, кажется, во много раз превзошла то, что на самом деле случилось. Ещё бы, наверно, каждый второй Мастер использовал это как наглядный пример того, почему с магией, особенно магией призывов или изменения пространства, нужно быть настолько осторожными, что лучше бы и вовсе с такими её областями не связываться! Эх, и подумать только, что, когда они только перебрались сюда, отец снискал такой почёт своими редчайшими для этих мест познаниями в медицине без применения особых способностей, которые здесь традиционно принимали за колдовство, что визит в их скромную обитель считался почётным. Хотя они не принадлежали к высшему кругу по праву рождения, таланты и навыки отца подняли их туда, как бы приравняв к самым сливкам местного общества. Несмотря на скромное убранство дома, простую утварь и умеренно дешёвую мебель, сюда заходили часто, этикет же запрещал им замечать стеснённость славного доктора, его жены и дочери в средствах. Гости отзывались о всей их семье с восхищением, чуть-чуть наигранным, но всё равно приятным не избалованным вниманием людям. И так продолжалось несколько лет, пока она и её друг, Подд, не взяли тот фолиант без спроса и не... Анви закусила губу и шагнула вперёд – столько лет прошло, пора бы и преодолеть детские страхи. Пальцы её легли на круглую позолоченную ручку. И застыли. Воспоминания о том, как она последний раз прикасалась к этой двери, как споткнулась на пороге и чуть не упала, на чём бы ей и пришёл конец, как пить дать, нахлынули все разом, и Анви чуть не захлебнулась в потоке, одинокая, слабая и беспомощная. Пальцы не чувствовались, онемели. Она больше не могла ими пошевелить. Сделать вдох или выдох тоже не удавалось. Тело не слушалось, ноги стали ватными. Не вынеся звона тишины в ушах и ощущения собственной никчемности и слабости, Анви буквально заставила себя сдвинуться с места, как глыбу пошевелила. Наваждение пропало, и она, торжествуя пусть крохотную, но всё же победу, вошла, изображая внешне больше уверенности, чем чувствовала на самом деле.

Анви уже почти взрослая и стремится мыслить логически. Та штука наверняка уже давно ушла, так что лучше не накручивать себя попусту. Её не напугаешь толстым слоем пыли и клочьями паутины.

Вот только почему-то ни того, ни другого внутри не оказалось. Как будто кто-то убирался тут в отсутствие хозяев. Тёплых отпечатков незнакомых аур нет, лишь старые, уже давно остывшие, выцветшие и блёклые – самой Анви и её родителей. Дыхание жизни давно не посещало эти безучастные ко всему стены. Просто выхолощенная оболочка, из которой время и забвение, братья-близнецы и закадычные друзья, выпили всё до последней капли. Значит, никто не переступал порог. Ну, конечно же. Спасибо ещё, что суеверный люд не спалил здесь всё от греха подальше. С них бы стало нанять для этого кого-нибудь, чтобы точно не найти было и пепелища. Иногда и самые просвещённые, способные задавить интеллект на любую тему чуть ли не в буквальном смысле учёные впадают в предрассудки седой старины.

Зачем она сама-то вообще пришла сюда?

После странной дуэли, победа в которой не принесла ей ни крупинки радости, а, напротив, воспринималась как нечто почти оскорбительное и, безусловно, грязное, недостойное ни её, ни уроков госпожи Сабры, Анви хотела побыть одна. И выбрала она этот дом, потому что, при всей той нелюбви к родительской обители, проклятому месту её рождения, которую Анви неоднократно выказывала, вряд ли кому-то придёт на ум попробовать поискать её здесь. Многие сетуют на то, что у них совсем никого нет на свете, или, наоборот, бахвалятся этим, но, к сожалению, Анви с раннего детства чересчур отчётливо ощущала, как же на самом деле тяжело остаться без единой живой души вокруг, лезущей к тебе, как муха на мёд. Личное пространство – шаткая вещь, которой легко пренебрегают, ничего дурного, конечно, не желая, просто не думая, что даже проявления их лучших чувств могут выглядеть назойливо и сильно изматывать. Обладая привлекательной внешностью, почти детской, цветущей нетронутостью и свежестью раннего девичества, той мягкостью и неиспорченностью, даже наивностью, которые уносятся прочь быстрее и легче пуха при столкновении с первым же жизненным потрясением, Анви постоянно сталкивалась с теми, кто хотел погладить её по волосам, взять за руку или поцеловать в щёку. Они оправдывали это симпатией и тем, что ей не следует так дичиться тех, кто желает сойтись с ней чуть ближе. Взрослые легко и просто забывают даже важные вещи, они не помнят, как в этом возрасте остро и пронзительно воспринимаются любая обида, любое огорчение, любое волнение. Ей никогда не было интересно поддерживать мифическую "вечную чистоту", которую в ней видели, как в ребёнке со многообещающим потенциалом, или соответствовать чужим ожиданиям. Взрослые ведь таким образом любят возлагать на юное поколение всё то, что им самим в своё время не удалось, и неизбежно разочаровываются, узнав, что у подростков есть и свои планы. Отсюда и лицемерное предпочтение детей тем, кто уже вырос, вместе с утратой интереса в тот момент, когда до них доходит, что реальность не имеет ничего общего с воображением – они на самом деле не считают маленьких ценнее, просто из младших ещё остаётся шанс вылепить своё подобие, обточить их под свои убеждения. Взрослым наплевать на их будущее, ведь они не слушают потомков, не учитывают их предпочтения, а потом удивляются, почему между ними и их детьми отношения плохие. Когда Анви морщилась на физический контакт или на неприятные ей разговоры и просила остановиться, все думали, что она стесняется, и предлагали расслабиться. Когда её терпение истощалось – она убегала и пряталась. Вот как сейчас. Ей не хватает ресурса улыбаться всем и притворяться, что она в порядке. Анви не нравилось опускаться до такого грубого лицемерия. Обижать же других из-за того, что у неё настроение плохое, она не готова была себе позволить. Это ведь вовсе не их вина, и никто не обязан терпеть, пока она не успокоится. Как уважать человека, если он срывается на других, отыгрываясь на них за свои проблемы? Это лишь признак того, что он ничуть не повзрослел, даже если давно вырос, и годы его жизни перевалили за третий десяток.

Зато здесь её уж точно не потревожат. Никаких лодырей и досужих зевак, сующих длинные носы в то, что их не касается. А то Анви была уже в том состоянии души и ума, когда и оторвать лишнее таким оболтусам могла бы.

Анви подняла руку, выпуская две почти незаметные глазу искры. В считанные секунды они разгорелись и превратились в бабочек. Одна, насыщенно-красная, напоминала пляшущий в воздухе огонёк пламени. Другая, лазурно-синяя, казалась лунным лепестком, бережно хранящим обволакивающую прохладу и бархатистую хрупкость волшебства ночного светила. Бабочки полетели по дому, первая – вдоль по коридору, вторая – поднялась над лестницей, ведущей на второй этаж, и зависла в полутора метрах над верхней ступенькой. Ей так часто предлагали сменить область творчества, ведь создание живого понемногу отнимало у неё здоровье, капля за каплей, но Анви не возражала против такой платы за талант. Она считала несправедливым, если дар доставался слишком дёшево. То, что малой ценой куплено – недолго и прослужит, а сердце, единственное, к чему стоило, по её мнению, прислушиваться, подсказывало Анви, что она всё делает как надо. Кроме того, никому ведь не обещана долгая жизнь,

даже если вообще не тратить энергию и не выходить из дома. Некоторые умирают молодыми, и даже в детстве, а у неё есть шанс прожить достаточно, чтобы успеть побыть счастливой. Впрочем, Анви пыталась не навязывать свою правду никому больше. Да, конечно, иногда ой как подмывало вступить в горячий спор, отстаивать свою точку зрения перед кем угодно... Она бы уже не училась у госпожи Сабры, если бы хоть раз повела себя так. Наставница говорила, что принимать мир во всём многообразии способен каждый, но почему-то многие даже не пробуют. Она говорила, что надо слушать и слышать, что даже самый агрессивный и опасный человек стал таким не без причины и, узнав её, можно снова вернуть ему внутреннее равновесие, убаюкать боль души, как младенца в колыбели. Слеплённые злобой и нежеланием принимать всё, что от них отличается, люди уже наворотили немало бед.

Чтя заветы госпожи Сабры, Анви не чувствовала ни злости, ни досады, ни разочарования из-за инцидента с Вилиттой и вовсе не собиралась публично унижать её. Но, хотя она и не увлекалась изучением и врачеванием чужих душ, даже ей было понятно, что Вилитта не преодолела в своём сердце какие-то конфликтные ситуации из прошлого и, быть может, настоящего. Что-то давило на неё, искажая чистоту песни её вовсе не такого уж плохого, просто тщеславного и в меру эгоистичного сердца. Анви не очень хорошо умела слушать, но старалась как могла.

Кроме уединения, которое могло ей подарить это место, Анви искала ещё кое-что здесь. А именно – отцовскую библиотеку. Тогда, убегая, они успели захватить с собой лишь самое необходимое, и книги в число этих насущно важных вещей, конечно же, не входили. Ну, разве что пара самых нужных отцу для работы. Но библиотека занимала три полных зала, и, разумеется, вывезти её быстро не получилось бы, а позволить себе задержаться – означало тогда подписать себе смертный приговор. Анви помнила, что раньше часто трогала корешки толстых фолиантов – ей нравилось угадывать, из чего они сделаны. Древесная кора, тёплая гладкая кожа, обтягивающая всю обложку плотная ткань. Красные, коричневые, жёлтые, зелёные, чёрные... Вид высоких стеллажей пленял взгляд девочки. Пытаться угадать содержимое книги по внешнему виду стало основным развлечением Анви в десять лет. Отец всегда смеялся, заставляя её за этим, и она, конечно же, смеялась в ответ – что может быть проще.

А теперь Анви очень рассчитывала узнать, как лечить страдания, отравленной занозой вонзавшиеся в чужое сознание. Вилитта никогда не была её близким другом, но, тем не менее, оставалась товарищем по обучению, и Анви считала своим долгом протянуть ей руку помощи, пока ещё не поздно. Она не пыталась выглядеть "хорошей девочкой" и уж точно не задавалась перед остальными, как порой про неё думали, просто не могла иначе. Деятельная натура толкала её делать что-то всякий раз, как такая возможность вообще появлялась. Она решительно отказывалась понимать, как можно пройти мимо человека в беде, даже не попытавшись хотя бы поддержать словом, если у тебя самого за душой нет ни пылинки. Не исключено, что она возлагает на сокровищницу папы чересчур много надежд, идеализируя это место по наивным детским воспоминаниям, похожим на радужную пелену, застилающую взгляд, но это шанс, и его ни в коем случае нельзя упускать.

Когда Анви листала страницы пятой книги в поисках зацепки, отложив лишь одну из четырёх предыдущих для более пристального изучения позже, со второго этажа раздался странный звук, похожий на плач, но не человека, а животного, причём явно маленького. Слабый, захлёбывающийся, судорожный плач. Анви вздрогнула и без раздумий побежала туда, чуть ли не бросив книгу на письменный стол отца, за которым он делал выписки для своих научных трудов, рисовал карты и схемы, иногда собирал макеты зданий, чтобы представить их как наглядный образец во время презентации его проектов коллегам. Анви восхищалась этими изумительными поделками, хотя и мало понимала, чем именно отец занят и для чего. Там до сих пор стояла последняя модель, и вот её-то и сшибла неудачно прилетевшая книга. Анви,

однако, это ничуть не заботило, она даже не оглянулась, чтобы посмотреть на воцарившийся на столе беспорядок.

На втором этаже в нескольких окнах не хватало стёкол, и, видимо, незваный гость воспользовался этим. На полу, тщетно пытаясь приподнять мордочку, лежал на боку, свернувшись в комочек, потрёпанный пуссан с окровавленным боком. Его пушистая белая шубка ещё сохранила следы былой красоты, а в огромных янтарных глазах плескался немой вопрос – за что, почему, что он сделал не так. И как у кого-то хватило жестокости довести очаровательное чудо до такого состояния?! Анви вскрикнула от изумления и сочувствия, на мгновение она словно бы ощутила на собственном теле всю его боль и весь ужас. Загнанный и одинокий, пуссан уже почти перестал шевелиться. Если честно, Анви было боязно даже прикоснуться к нему – несчастный зверёк выглядел так, будто любая мелочь добьёт его. Она мало занималась врачебной практикой, но и для неё было очевидно – сначала надо остановить кровотечение. Пуссан не сопротивлялся перевязке, но, когда она собралась уже поднять его, чтобы забрать в более подходящие и уютные условия, чтобы продолжить ухаживать за бедняжкой – он завертелся, кусаясь и царапаясь, как если бы видел в ней прямую угрозу своей и без того едва теплившейся в тщедушном тельце жизни.

– Эй! Успокойся, мой хороший, я же тебе не враг! – ласково и успокаивающе проговорила Анви, покачивая его на руках и терпя его зубы и когти, терзавшие её пальцы и ладони.

Глава 6

День лишь начинался, но погода уже оставляла желать лучшего. До человеческих проблем ей явно не малейшего дела не было. Холодный ветер нёс по воздуху оранжевые, розовые и золотые листья, швыряя их в лицо тем прохожим, кто, зазевавшись, не успевал прикрыться. Пора цветения деревьев заканчивалась, и то, что ещё недавно выглядело нарядными пышными бутонами, теперь уносилось в своё последнее путешествие. Короткий их полёт вскоре должен был завершиться очень печально, хоть и вполне закономерно для всего существующего – они падут на землю и истлеют в считанные дни. Вскоре от всей этой эфемерной красоты не останется и следа. Заурядные горожане ничем не отличались от этих листьев – на них и внимания обращать не стоит, потакая их нуждам и выслушивая бесконечные жалобы. Даже в раю некоторые найдут причины быть недовольными. Скучные личности с типичными, одинаковыми проблемами и идеями служат лишь ступеньками, по которым выдающиеся индивиды восходят на вершину, у них не может быть никакого другого значения и смысла. Не каждому дано хоть что-то важное свершить в жизни, но быть полезным любой может – если принимает своё положение, как должно. Покорно склоняться перед более талантливыми, успешными и умными, не задирает носы, сразу и безропотно выполнять распоряжения тех, кого природа наделила большими возможностями и перспективами. Это же естественно – те, кто может захватить власть, всегда делают это и подчиняют себе тех, кто оказался менее проворен и ловок. Увы, большинство питают пустые иллюзии о том, что это для них, а не для богатых ресурсами, идеями и планами на будущее гениев создан мир. Тана презрительно скривила губы и ускорила шаг. Подумать только, лживые друзья и двуличная наставница не рассказывали ей о том, как легко достичь всего, что заблагорассудится, лишь посмей протянуть руку да не считайся с теми, кто бездыханным ляжет к твоим ногам. А ещё втирались к ней в доверие! Им, наверно, было выгодно, чтобы она так и жила дальше глупышкой с широко распахнутыми наивными оленьими глазами. Так проще манипулировать и направлять, как запряжённую лошадь, куда требуется им, а не ей. Какую жалкую и убогую роль Тана отвели! И как поздно она прозрела, уму непостижимо!

И, конечно, худшая из иллюзий этого мира – любовь! Тварь выдаёт себя за какую-то ценность, от неё блещат глаза и дыхание перехватывает, а на деле она – пшик. Учащённое сердцебиение, розовые сладкие облака грёз и дурацкие нежные сны больше не для неё!

Сила струилась по венам Таны, тягучая и густая – кружила голову, скапливалась на кончиках пальцах, ожидая, пока её выпустят. Тана рассмеялась от переполнявшего её горячего алого азарта, пурпурной злости и багряного предвкушения. Она шла, чтобы бросить обвинения в лица всем, кто плёл ей слюнявые сахарные приторные сказочки о добре и прощении, понимании и принятии. Любой престиж и статус держатся лишь до тех пор, пока в них верят, и все революции начинаются с усомнившихся, с тех, кто однажды задал себе неудобные и не принятые большинством вопросы. Если потрясение слишком велико – рушится весь внутренний мир человека, и вместе с его воззрениями ломается рассудок.

– Не зря ли мы оставили ей эту черту характера, забрав всё остальное? – обеспокоенно спросила одна из Хранительниц, наблюдая за Таной сквозь полупрозрачную белую дымку.

– Нет. Заодно и проверим, на что она способна, – ответил её партнёр.

Разумеется, девушка не слышала их.

Цветущий, благоухающий, изысканной архитектуры город станет её алтарём, на котором она принесёт в жертву всех тех, чьё служение было нечистым, а летящие лепестки станут безупречно красивой декорацией. Хранители были снисходительны и милостивы, но жалкие плебеи не ценили этого, не замечали, как им потакают и сколь многое спускают с рук, эти животные ни в чём не нуждались – и оттого-то обленились, разжирели и больше не готовы не то, что отдавать себя целиком, но даже чуть-чуть палец о палец шевелить ради своих хозяев. Свиньи, которых пора заколоть. Устроить побоище и пир горой!

Порывом ветра с деревьев шинна сорвало целый ворох благородной белизны, и Тана на несколько секунд оказалась в центре нежного вихря того, что ещё недавно было маленькими симпатичными бутонами. Пара даже запуталась в её волосах, придав девушке намёк на доброту и невинность, от которых сейчас она была далека как никогда прежде. Впрочем, глаза её так же открыто и прямо смотрели на мир, а улыбка не сходила с губ, но верить этому не следовало. Увы, но репутация и авторитет Таны в городе были таковы, что их не удалось бы сразу уничтожить, даже учини она вдруг резню на центральной площади. Поэтому детвора продолжала беззаботно и доверчиво подбегать к ней. Тана игнорировала малышей, пока один мальчик не схватил её за рукав.

– А покажите волшебство?

Да, прежде Тана часто так развлекала ребят младше пятнадцати лет, да и некоторых постарше, из тех, кто так и не сумел освоить даже азы магии. Но теперь требование, высказанное донельзя противным писклявым голосом, её лишь окончательно вывело из себя.

– Убирайтесь прочь, – отчеканила она непреклонным тоном, и от всей её фигуры повеяло холодом отторжения.

Детей моментально смахнуло куда-то, будто засохшие хлебные крошки со стола или ни к чему не пригодные щепки и стружку, что остались после рубанка, разгулявшегося в трудолюбивых руках. Тана испытала лёгкое удовлетворение от того, что не пришлось для этого ударить одного из них. Оно было, скорее, рассудочным, чем эмоциональным – потом у неё из-за этого могли бы возникнуть лишние проблемы. Они и так непременно начнутся, когда она исполнит задуманное, но Тана стремилась оттянуть этот момент. Физическое насилие, всеобщее пугало, неприемлемое поведение, строжайшее табу. Наверно, единственное, что не прощалось никогда, даже после того, как человек избывал меру наказания по закону. Вот почему на тренировках так важно было товарищество и чёткое понимание своих и чужих границ.

Девушка в светлом платье, сшитом явно на заказ, идеально подогнанном под её рост и фигуру, была подобна чистой сияющей фее радости и счастья. Её гладкая кожа так и манила погладить, прелестно округлые щёки были словно созданы для трепетных поцелуев, а маленькие ушки – для нашёптывания ласковых слов. Тана всегда хотела нравиться всем, от пожилой дамы, торговки сдобой, до незнакомого пуссана на чужом подоконнике, мимо которого Тана проходила почти каждое утро. Пуссан, впрочем, лениво позёвывал и всецело игнорировал её...

Теперь от прежней Таны ничего не осталось, и ей было бы противно и горько вспоминать себя прежнюю, если бы Хранители не подкорректировали информацию о её прежних днях. Они превратили её в такого человека, которого, кроме карьеры и амбиций, не интересует и не волнует вообще ничто, даже если полгода вымрет от внезапной болезни. Больше того, теперь она питала искреннюю и глубокую уверенность, что всегда была такой, и, если даже кто-то добивался дружбы с ней – она милостиво позволяла находиться рядом.

– Ты сбилась. Я не могу оставить тебя такой, как сейчас.

Раздавшийся из-за спины голос звучал серебристой струной, но едва ощутимая нотка, проходящая насквозь, делала его твёрже калёной стали. В нём угадывались и живое сострадание миротворца, и неумолимость карающего клинка. В сочетании получался скальпель милосердного хирурга, который намерен провести опасную и тяжёлую операцию, зная, что после станет легче, и это спасёт пациенту многие дни.

– О, госпожа Сабра, вас-то я и ищу, – жестоко ухмыльнулась углом рта Тана.

Взглянув в глаза наставнице, она вдруг поняла – телесной болью не сломить такую женщину и не поставить на колени. Да и не удастся одолеть её силой. Зато есть способ уязвить иначе.

– Госпожа Сабра, я расторгаю знак связи и ничем вам больше не обязана, как и вы мне.

Та будто разом постарела лет на двадцать. Ссутулилась даже, с губ сорвался судорожно-горестный вздох. Связь между носителями дара, особенно если один из них помог второму проявить способности, отомкнул спрятанное в недрах души сокровище, во много раз превосходила обычные человеческие отношения. И теперь Тана перекрыла канал, благодаря которому госпожа Сабра могла обмениваться с ней энергией, интуитивно чувствовать её, и даже в крайнем случае запереть дар обратно. Как будто Сабру вытолкнули вон из чужого дома на мороз и промозглый ветер, в темноту, и захлопнули перед ней одни за другими дюжину окованных сталью врат.

Конечно, Тана понимала, что этого недостаточно, и что наставница всё равно может сунуться якобы помогать, но теперь, когда та не способна повлиять на неё прямо, всё остальное гораздо легче пресечь. Кроме того, связь не позволила бы ни одной из них напасть на другую, а теперь преграда исчезла. Тана отлично знала, что ничем не рискует, госпожа Сабра не причинит ей вред. Сама же она пока не придумала, чем атаковать, ведь шанс нанести удар у неё лишь один, затем бывшая наставница призовет защитный панцирь. Это лишь пока та ещё не понимает, до какой степени Тана изменилась, и на что готова теперь.

Из уроков Тана помнила, что живые создания состоят из света души, чьи форма и оттенок зависят от личности и характера, из тела, из воспоминаний, из искры мечты, что содержится обычно либо в грудной клетке, либо в голове. И всё это скрепляет, подобно клею, особая незримая субстанция, которой нет названия, потому что лишь десятка полтора лет тому назад учёные сумели выяснить, что она вообще присутствует в организме. До неё-то как раз и дотянулась Тана в госпоже Сабре – и перерезала. Жуткий надрывный крик вырвался из горла женщины. Глаза Таны торжествующе сверкнули, такой победой можно гордиться! Со стороны это выглядело так, будто потоки жёлтого, голубого и бледно-сиреневого сияния выхлестнулись из госпожи Сабры, будто та взорвалась изнутри. Хотя оболочке это не повредило – все остальные составляющие перестали держаться вместе и устремились прочь.

Решив не наблюдать за никчемным концом существования той, кого она некогда уважала, Тана отвернулась и пошла прочь. Она явно ни в чём себя не винила – это читалось по безмятежному и вполне довольному лицу. На поверку наставница оказалась пустым местом, дутым лидером. Теперь, когда Тана видела свой прежний мир в истинном счёте, все прежние догматы и убеждения, правила и душеспасительные беседы вызывали и неё лишь смех пополам с брезгливостью. Она больше не опустится до сахарного сиропа, которым её пичкали, забивая голову хламом.

– Не так быстро, девочка.

Тана застыла, её позвоночник словно бы пронзила ледяная стрела. Она не могла заставить тело развернуться, её лишь затрясло. Это невозможно!

Пространство вокруг неё, заслоняя и небо, и здания, переполнили белые нити. Голос госпожи Сабры исходил из них. Нити едва заметно пульсировали, но не как сердцебиение, а, скорее, как дыхание. Они сверкали, будто грани алмаза на солнце. Нити не ощущались враждебными сами по себе, но Тана почуяла, что они нацелились отобрать у неё свободу, а это – даже хуже, чем лишиться жизни. Нет, она будет непременно отстаивать себя до последней капли крови! Она не позволит проклятой ханже, этой хитрой изворотливой лисе, торжествовать! Не для этого она вырвалась из-под пелены фальшивой и гнилой философии товарищества, человеколюбия и уважения ко всякому ничтожеству, ничем не доказавшему своё право на такое отношение.

Глава 7

Сабра не была ясновидящей и не имела ни малейшего понятия о том, что именно произошло, но знала наверняка – это была не Тана. Что-то другое заменило её личность и владело телом. Ощувив изменения ещё издали, госпожа Сабра загодя позаботилась о своей безопасности. Она не столь сильно цеплялась за жизнь, но Ли уже пропал, а погибни ещё и она – Тану вовсе не останется, кому спасти. Сабра верила, что для её ученицы ещё не всё потеряно, она ничуть не сомневалась – та не могла просто уступить невесть чему или кому и позволить безнаказанно и запросто сотворить над собой подобное. Тана должна была стать следующим мастером, унаследовать положение наставницы. Сабра и правда предпочла бы для неё такое будущее, нежели превращение в одно из Крыльев. Мастер – яркая индивидуальность, крепко связанная с каждым из звеньев, присоединённых ею к единой цепи. Сознание, достаточно сильное, чтобы указывать путь остальным и делиться с ними энергией. Основная черта мастера – видеть потенциал и шанс для каждого, искать способы раскрыть это спрятанное сокровище. Мастер не отворачивается, когда его помощь необходима, даже если его прямо не попросили – потому что не у каждого есть возможность попросить, а иные стесняются этого и не хотят обременять собой, третьи же попросту не замечают своего бедственного положения, пока не станет слишком поздно. Поэтому, несмотря на то, что Тана прямым текстом прогоняла её – Сабра не ушла. Персональный подход мастеров к каждому Сабра предпочитала уравниванию всех в правах и обязанностях – основной политике Крыльев. Те всерьёз утверждали, что главное – не саморазвитие, а польза для общества, даже если для этого придётся урезать себя, свои мечты, интересы и стремления, во всём. Стоит даже переломить себя в чём-то и делать то, что тебе претит, если в глобальном смысле это принесёт больше выгоды. Разумеется, Сабра никогда не смогла бы согласиться с ними. Она проклинала Крылья за то, что они использовали мастеров как живое сырьё для себя – тех, кто был отобран на высочайшем уровне, кристаллы душ безупречной чистоты, они извращали так, как им надо. Брала, подгоняли под свои стандарты через посвящение, после которого пути обратно уже не было. Да, пожалуй, Сабра ненавидела их, и они наверняка читали это в её уме, им ведь известно всё на свете... И спускали ей это с рук, пока она готовила для них новых кандидатов. Прекрасно отлаженный механизм, купить ненадёжный элемент позволением заниматься любимым делом и неограниченными ресурсами для него. Сабра оставалась недовольной, но бунтовать уже не собиралась. И, вот, это случилось с Таной. Стоило предвидеть, слепота всегда обходится дорого... И заплатить пришлось не ей, а той, кто лучше неё. Сабра винила в состоянии Таны себя, но сетованиями горю не поможешь и ошибку не исправишь. Вот почему она сразится со своей драгоценной девочкой.

– Ты права. Я не справилась с той ответственностью, которую взяла на себя перед тобой. Прости. Но... Я всё ещё готова выполнить для тебя хоть то небольшое, что нам осталось.

– Ничего не осталось! – злобно выкрикнула Тана.

Торопливый и категоричный ответ девушки прозвучал неожиданно беззащитно и по-детски, но и с неподдельной страстью, ослепляющей, застилающей рассудок. Будто запальчивый подросток из принципа спорил с родителем, в глубине сердца признавая, что прав не он, и отказываясь уступить лишь из глупого желания во что бы то ни стало гнуть свою линию до конца, сознавая, что конец этот обернётся крахом для него.

– Как же ничего, если мы обе живы? Скажи, Тана, разве я учила тебя убивать? Неужели это достойный повод для гордости? Никто из нас не видит всей истины целиком, не знает, кто и для чего родился, зачем на свете букашка или стебель травы, и, значит, не нам судить, как с кем или чем поступать. Но, как бы я ни старалась показать тебе красоту мира – мне это, верно, не удалось, если ты так полнишься яростью и протестом. Тебе плохо, и это мой недосмотр.

Тана не слушала, полностью захваченная собственной поработавшей идеей, она выстроила заслон между собой и Саброй, чтобы медоточивые приторные речи не поколебали её решимость. Елей лживых увещаний и сахарные миражи посулов несбыточного будущего могут достигать ушей Таны, но душу не зацепят.

– Как много глупых девочек вроде меня погибли за тебя? За то, что ты не смогла обеспечить им то, что обещала? За то, что ты в самый важный момент потеряла хватку? Скольких ты принесла в жертву своим разросшимся до небес амбициям, лицемерка?! Ненавижу тебя!

Багровая лавина обрушилась на Сабру – точнее, на тысячи белоснежных нитей, которыми она сейчас была. Камни мостовой плавилась, ближайшие здания теперь выглядели так, словно на них с маху опустили огромный вес, словно бы вбивая в землю. Несколько десятков нитей оборвалось.

– Чем ты займёшься, когда убьёшь меня? – Сабра сказала это участливо и скорбно, переживая только за Тану, и никак не за себя. – Ты готова нести этот груз до конца дней? Остаться в одиночестве? Той, от упоминания чьего имени все разбегаются? Зачем так?

Тана задрожала, и концентрация заклинания сбилась. Тана поджала губы и напомнила себе – она больше не может позволить себе колебаться, мосты сожжены, отступать некуда.

– Тебе-то какая разница?! – рявкнула она.

– Такая, что я люблю тебя. Я видела, как ты росла, и радовалась каждому дню. Я воспитывала тебя. Я не хочу смотреть, как ты тонешь и захлёбываешься.

– Не пытайся ко мне подольститься!

Тана почти плакала, и за это истово и глубоко ненавидела Сабру. Та продолжает забираться ей под кожу, управлять ею! Тана не смирится с подобной наглостью. Растерзать, задушить, подавить! Сабра чересчур уж зажилась на этом свете!

– Я лишь пытаюсь уберечь тебя, – мягко возразила Сабра. – Ты – моя бесценная девочка. Сокровище, которое я пестовала много лет. Не для того, чтобы на твои ладони легла кровь – ни моя, ни чья-то ещё. Ты была моей надеждой. Глядя на тебя, я чувствовала, что у этого города и у всего нашего мира есть будущее. Поэтому я боролась за тебя. Отсрочивала, как могла, твоё посвящение в Хранительницы.

– Что?!

На том месте, где стояла Тана, внезапно вспух, будто гейзером вырвался из земли, чёрно-красный смерч, вращающийся так быстро, что её саму в его эпицентре стало вовсе не видно.

– Ты, дрянь такая, посмела изменять мою судьбу?! Принимать решения вместо меня?!

– Наоборот, я хотела дать тебе время, чтобы ты могла взвесить всё и решить! Хранители пытались подавать твоё вступление в их ряды как единственно правильную возможность и лучшее, чего ты когда-либо сумеешь достигнуть. Они хотели провернуть всё прежде, чем ты попробуешь вникнуть в суть, заметишь их недостатки и начнёшь колебаться. Им не нужна свобода воли и не нужны творчески мыслящие, пока они не могут контролировать каждый шаг и каждый миг чужого созидания. Я была не согласна.

Вихрь магии Таны втянул в себя ещё несколько алебастрово-белых нитей.

– Хватит болтать! Надоела! Лучше сражайся! Я не просила ни тебя, ни Хранителей строить на меня планы или верить в меня! Я хочу, чтобы вы оставили в покое мои пресловутые хорошие задатки и всё остальное! Я это я! Я сама по себе!

– Нет. С тобой что-то сделали, оттого ты и стала такой, как сейчас. Когда я услышу твой истинный голос – я отпущу тебя, и иди, куда пожелаешь.

Что-то голубое одним прыжком перемахнуло на другую сторону площади, пролетев над головой Таны. Огромная пушистая лиса. Нити переплелись между собой и превратились в хвосты – Тана не считала, но не удивилась бы, окажись их больше сотни. Изумрудно-зелёные добрые и мудрые глаза лисы с материнской укоризной смотрели на неё. Ладони Таны сами потянулись погладить мягкую шубку зверя, но она успела одёрнуть себя. Вместо этого Тана ухмыльнулась. Надо же, а она-то обзывала госпожу Сабру лисой исключительно в переносном смысле!

– Старая дура. Отстаивать кого-то – худший абсурд, который можно придумать. Только ты сама должна иметь значение для себя. Другие не оценят твои порывы, и ты же у них выйдешь виноватой, ты растратишь силы впустую. Так что забудь о такой паршивой ереси, как лже-спасение кого-то ещё высокопарным и патетическим самопожертвованием! В конце концов всем плевать, они перешагнут через тебя и забудут!

Лиса фыркнула и махнула хвостами из стороны в сторону. Нити заколыхались.

– Чего ты ждёшь?! Сопrotивляйся! Дерись!

Тана высвободила всё, что созрело в ней для того, чтобы разнести город в труху и крошево. Воющая пылающая стена прошла по всей площади, сметая всё, что некстати подворачивалось по ходу её движения, но сквозь лису она прошла, не заставив ту и бровью повести. Лиса как будто вообще не заметила этой неукротимой мощи.

Так выглядело то самое скольжение, которое не смогла показать товарищам Вилитта.

– Нет. Запомни раз и навсегда, Тана. Преумножая насилие в мире, ты делаешь этот мир темнее и холоднее. Меньше взаимопонимания и доверия, меньше сопереживания и радости. Люди носят за пазухой ножи и дарят друг другу ядовитых змей. Это лишает жизнь ценности, делает её дешевле дорожной пыли под твоими подошвами. Мы лишаемся умения обнимать даже близких, подпускать к себе незнакомцев, открыто улыбаться. Всего того, ради чего мы родились.

– Очнись! Мы живём вовсе не в том идеальном мире, который ты себе воображаешь!

– Именно потому, что такие, как ты, не придерживаются этого правила и считают себя лучше, думают, что вправе заставлять окружающих страдать. Даже если мир вокруг нас несправедлив и не совершенен, в наших руках есть возможность повлиять на это, пусть мелочами, по чуть-чуть, шаг за шагом, но мы сами строим ту реальность, в которой нам комфортно находиться. Неужели тебя правда радуют насилие и жестокость? Если так, то... Я покажу тебе всё, что у меня есть.

Да, это требовало доверия Тане и веры в неё, но вот уж чего Сабре было точно не занимать. Она применит погружение в спираль памяти. То, чем избегали пользоваться часто даже Хранители. Это последний аргумент, сильнее которого ничего не изобрели, как ни искали. И после него ей будет почти невозможно вернуться самой, так что, если Тана не очнётся и продолжит ненавидеть её – Сабры не станет навсегда. Такова стоимость попытки разделить целую жизнь на двоих, дать другому увидеть и прочувствовать то, что для него не предназначалось, буквально впихнуть чужое "я" в твою шкуру. Очень дорогой подарок, на который и влюблённые почти никогда не решались. Прошлое – святой источник, из которого черпаешь опыт и знания, и мироздание отчего-то считало нечестным умение погружать в него кого-то ещё, кроме себя. Не прожил, не заслужил, не твоё. Как кража, даже если хозяин одобрил. Но Сабре безразлично, какие последствия придётся перенести ей, если Тана вернётся к своей истинной сути.

Звук колокола разнёсся над площадью. Небо стало сиренево-красно-фиолетовым, но только для них двоих, Сабры и Таны, и из этого странного, непостижимого, фантастического сияния спустилось нечто вроде смерча. Подхватив обеих, девушку и лису, он закружил их, поглощая, затаскивая в свои мистические недра.

Глава 8

Сабра сидела за просторным светло-голубым письменным столом, чуть блестящим в золотисто-рыжих лучах вечернего солнца, падавших из окна, что располагалось прямо над ним. Уютная комната, судя по интерьеру, служила одновременно и спальней, и библиотекой, и рабочим местом. Вместо короткой стрижки, которую Сабра носила в будущем, эта Сабра заплетала две косички. Её лицо выглядело мягким и невинным, а широко распахнутым глазам ещё явно не доводилось видеть ни смерти товарищей, ни кровопролитных битв. Сабра пыталась делать уроки, но постоянно отвлекалась на пленительный вид из окна. Её семья недавно переехала в этот город, и она никак не могла налюбоваться на мозаичные мостовые, цветные витражи тонкой ручной работы в окнах домов, океаны благоухающих цветов, собранных в гигантские сложные панно – кто-то потратил немало сил на то, чтобы они выросли именно так, и задуманный рисунок не оказался нарушен тем, что часть бутонов не распустилась, а какие-то семена или луковицы вообще не взошли. Это был человеческий труд, и его надлежало уважать. Никому не приходило в голову без разрешения сорвать даже единственный бутон, даже тайком, ночью, когда никто не видит. Мол, покарает сила ещё более неумолимая и грандиозная, чем Хранители. Уничтожать созданное не тобой, за исключением, когда это происходит в результате несчастного случая – табу. Не видать такому человеку ни счастья, ни удачи, ни благополучия, ни взаимности в любви. Он станет изгоем среди изгоев. Каждому одарённому внушали это с первого же дня обучения. Потому за магию жизни и приходилось платить временем собственной – иначе получалось слишком быстро и легко, ты не вложил ни труда, ни заботы, ни волнений, ни страхов, ни любви, просто по щелчку пальцев что-то создал, да ещё и, вдобавок, часто из ничего, и природа магии восполняла провал и восстанавливала суровую справедливость. Хочешь перекраивать ткань реальности на свой личный вкус – пожалуйста, но отвечай за последствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.